

УДК 111

ББК 87.1

Философия, метафизика, философия сознания

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ПОНЯТИЯ СУПЕРВЕНТНОСТИ В АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Кандидат философских наук Н.А. Блохина

В статье прослеживается история вхождения понятия «супервентность» в аналитическую философию сознания. Раскрыто содержание этого понятия при решении психофизической проблемы у таких видных философов-аналитиков как Дональд Дэвидсон, Дэвид Льюис, Джегвон Ким, Джон Сёрл и Дэвид Чалмерс. Показано, что эти философы признавали натуралистический характер супервентной связи сознания и мозга, однако содержание этой связи ими трактовалось по-разному, что позволяет говорить, что понятие «супервентность» используется ими в метафизическом смысле.

Ключевые слова

Аналитическая философия, метафизика, философия сознания, проблема «сознание-тело», супервентность, Дональд Дэвидсон, Дэвид Льюис, Джегвон Ким, Джон Сёрл и Дэвид Чалмерс.

Понятие «супервентность» пусть медленно, но верно входит в словарь современной отечественной философии. Его появление было связано с переводами работ западных философов-аналитиков таких, как Джон Сёрл [4] и Дэвид Армстронг [1]. Однако сам термин «супервентность» в этих переводах отсутствовал. Видные отечественные философы А.Ф. Грязнов и С.С. Неретина предпочли перевести «супервентность» как «производность» [4. С.126 -127] и «проистекание» [1. С. 102, 235]. Однако такие переводы не совсем прижились на отечественной философской ниве. На сегодняшний день можно сказать, что термин «супервентность» уже используется отечественными специалистами в области аналитической философии. Н.С. Юлина написала статью о

супервентности в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» [6]. В.В. Васильев использовал термин в своём переводе книги Чалмерса «Сознающий ум» [5]. О смысле и познавательной эффективности понятия «супервентность» идут дискуссии на научных конференциях [3] и т.д.

Автор данной статьи ставит перед собой задачу проанализировать содержание понятия «супервентность», как его понимали отдельные западные философы-аналитики и отечественные исследователи, и выступить адептом «полезной бессодержательности» этого понятия.

Термин «супервентность» используется главным образом для характеристики уровневых онтологий – таких структур бытия, в которых устанавливаются связи между явлениями различных уровней (видов). Понятие же супервентности призвано определить характер уровневых связей в таких онтологиях.

Супервентность (от лат. *super* + *venire* приходить, происходить) – отношение зависимости между свойствами или явлениями одного (уровневого) вида (А) и свойствами или явлениями другого (уровневого) вида (Б), для которого характерно то, что совокупность свойств или явлений Б следует за совокупностью свойств или явлений А только в том случае, если изменения или различия А не могут существовать без изменений и различий Б. Центральная идея супервентности заключается в том, что *не может быть* различия А без различия Б: свойство или явление А возникает вслед за свойством или явлением Б, если и только если изменение свойств или появление явления А нуждается в изменении свойств или появлении явления Б, точно также как полная схожесть явлений в отношении свойств Б гарантирует полную схожесть явлений в отношении свойств А. Отношения супервентности не являются ни логическими, ни каузальными.

Термин *супервентность* (англ. *supervenience*) является производным от английского глагола *supervene* и буквально означает “случаться вслед за чем-либо”. Однако использование этого глагола в философии кардинально

отличается от его использования в обыденном языке, в котором он означает возникновение чего-то дополнительного, постороннего или неожиданного.

Вопрос о том, кто первым ввёл термин в философский оборот, остаётся открытым. Чаще всего называют имя английского философа Ричарда Хейра (Hare), который использовал термин «супервентность» для характеристики отношений между моральными и природными свойствами [89. Р. 891]. Сам философ отрицал своё первенство, ссылаясь на то, что термин широко использовался ещё в 1940-е годы в Оксфорде. Джордж Мур первым артикулировал понятие супервентности. Под супервентностью он понимал связь между внутренне присущей предмету ценностью и его качественными, не носящими морального характера, характеристиками [9. Р. 891].

В философии науки, как отметила Н.С. Юлина, термин «супервентность» появился для обозначения особого типа объяснения законосообразного (номологического) и, вместе с тем, нередуктивного отношения между наукой наибольшей общности – физикой – и науками меньшей общности — химией, биологией, психологией, социологией и т.д. Считается, что каждая наука меньшей общности имеет свои законы, которые не сводятся к законам науки как целого, точно так же, как свойства целого не сводятся к свойствам частей. Например, свойства воды – быть прозрачной, текучей жидкостью, растворяющей сахар, и др. – не сводятся к арифметической сумме свойств двух молекул водорода и одной молекулы кислорода. [6].

Аномальный монизм Дональда Дэвидсона

В аналитической философии сознания понятие супервентности стало широко использоваться после того, как Дэвидсон применил его для характеристики концепции аномального монизма в статье «Ментальные события» (1970), которая была призвана разрешить проблему «сознание - тело».

Для демонстрации специфики своего решения психофизической проблемы Дэвидсон предложил рассмотреть классификацию существующих

теорий. Есть исследователи, которые признают существование психофизических законов, и есть те, которые это отрицают. С другой стороны, есть исследователи, которые утверждают, что ментальные события тождественны физическим событиям, и есть те, кто это отрицает. Теории, стремящиеся разрешить психофизическую проблему, делятся, таким образом, по мнению Дэвидсона, на четыре вида: 1) *номологический монизм*, в котором признаётся существование корреляционных законов и то, что соотносящиеся события представляют собой одно и то же (сюда относятся материалисты); 2) *номологический дуализм*, который объединяет различные формы психофизического параллелизма, интеракционизма и эпифеноменализма; 3) *аномальный дуализм*, который соединяет онтологический дуализм с «общим провалом» в поисках законов, соединяющих ментальное и физическое (картезианство); 4) *аномальный монизм* самого Дэвидсона [8. Р. 213-214].

«Аномальный монизм схож с материализмом в том, что выдвигает положение о том, что все события являются физическими [событиями], но отбрасывает тезис, который обычно рассматривается как сущностный для материализма, что ментальным феноменам могут быть дано исключительно физическое объяснение. Такая мягкая форма монизма, который не имеет поддержки со стороны законов соответствия или концептуальной экономии, по-видимому, не заслуживает того, чтобы называться «редукционизмом»...» - пишет Дэвидсон [8. Р. 214]. Во всяком случае, это не тот случай, когда восприятие произведения искусства можно свести всего лишь к сложному нервному событию, происходящему на уровне мозговых процессов.

Хотя позиция, которую описывает Дэвидсон, отрицает существование психофизических законов, она согласуется с точкой зрения, что ментальное всё же зависит от физического – между ними существует отношение супервентности. Супервентность означает, поясняет философ, что не может существовать двух событий, одинаковых в физическом аспекте, но различающихся в каком-то ментальном аспекте, или что объект не может измениться в каком-то ментальном отношении без изменения в каком-то

физическом отношении. Ментальное законосообразно связано с физическим, однако их связь предусматривает и аномальность, а именно: мы не можем указать законы, осуществляющие данную связь. Существование ментального аномально именно потому, что не может быть полностью вписано в каузально замкнутый мир физических явлений. Напомним, что философ писал: «Аномальный монизм ... отбрасывает тезис, ... что ментальным феноменам может быть дано исключительно физическое объяснение» [8. Р. Р. 214].

Американский исследователь Джеф Мальпас, анализируя концепцию своего соотечественника, находит доводы в пользу аномального монизма в теории событий самого Дэвидсона. Мальпас поясняет: в онтологии Дэвидсона события являются единичными сущностями, которые могут подпадать более чем под одно описание. («Он поднял руку» и «Он просигналил»). Или возьмём такой пример: кто-то сжёг клочок бумаги, который оказался ценным документом. Однако незнание того, что клочок бумаги и ценный документ – одно и то же, послужило оправданием его уничтожения. В этом примере имеется лишь одно действие – сжигание листка бумаги. Но описать это действие возможно, по меньшей мере, двумя различными способами: как сжигание листка бумаги и как уничтожение ценного документа. Обращение к истории и естествознанию также показывает, что отдельные события часто описываются разными способами. Дэвидсон считает, что каузально связанные события должны взаимодействовать на основе какого-то строгого закона. Однако, поскольку строгих законов мы, возможно, до времени, не знаем, законы выступают всего лишь лингвистическими сущностями. Как лингвистические сущности они могут говорить об отношениях событий только в том случае, если эти события даны под *соответствующими* описаниями. И как это было показано Дэвидсоном в теории действия, одна и та же пара событий может иллюстрировать закон под одним описанием и не иллюстрировать никакого закона под другим описанием.

В то время как номологические отношения между событиями зависят от описания событий, причинно-следственные отношения и отношения тождества

безотносительны к описаниям. Из этого следует, что если даже одна и та же пара событий каузально связана, но, если эти события будут описаны каким-то особым способом, они не будут подпадать под какой-то строгий закон. Особо следует обратить внимание на ситуацию, в которой каузальные отношения связывают ментальные события под ментальными описаниями и физические события под физическими описаниями. Никаких строгих законов, применимых к каузальной связи таких событий, не будет только потому, что эти события рассматриваются *именно под этими описаниями*. Например, если человек захотел почитать «Войну и мир» Льва Толстого, и это привело к тому, что он подошёл к полке с книгами, где стояла «Война и мир», то его желание, приведшее к перемещению по комнате, никоим образом не может быть описано каким-то строгим законом [15. Р. 3-4]. Дэвидсон отрицает существование психофизических законов (строгой корреляции ментальных и физических событий) на том основании, что ментальный и физический языки описания событий обладают принципиально разными характеристиками [8. Р. 222].

Джеф Мальпас связывает отрицание Дэвидсоном существования строгих психофизических законов ещё с одной причиной: человек в философии Дэвидсона рассматривается в первую очередь существом рациональным. Философ писал: «... я думаю, что номологическая слабина, существующая между ментальным и физическим, непреодолима столь долго, сколь долго мы воспринимаем человека рациональным животным» [8. Р. 223]. Дэвидсон полагает, что ментальное ни логически, ни эмпирически не сводимо к физическому, то есть редуктивная связь между мозговыми процессами и тем, что возникает в нашем сознании, не существует. Связь ментального с физическим носит супервентный характер, что предусматривает каузальную замкнутость мира физических явлений, так и исключительный статус рациональности и ментального в целом. А это и есть аномальность ментального. Используя понятие супервентности, Дэвидсону удалось избежать острых углов научной нерешённости психофизической проблемы.

Функциональный редукционизм Джегвона Кима

По мнению Джегвона Кима, каузальные отношения между явлениями образуют диахронические связи. Наряду с ними между явлениями существуют синхронические связи, разновидностью которых являются отношения супервентности. Эти отношения связывают свойства и объекты разных уровней, при этом объекты базисного уровня полностью детерминируют супервентно зависимые от них объекты других уровней. Таким образом, понятие супервентности используется Кимом для описания общей онтологии, которую он назвал уровневым видом реальности.

Философ рассматривает супервентность (или как он теперь предпочитает говорить «ковариацию свойств») как разновидность отношений, существующих между семействами свойств. К таковым относятся и отношения между ментальными и физическими свойствами.

Взгляды Кима на сознание изменялись, но понятие супервентности в них неизменно сохранялось. Эволюцию его взглядов можно поделить на три периода. Так, в начале 80-х годов он защищал позицию нередукционистского физикализма (взгляда, согласно которому ментальное зависит от физического, но к нему не сводится), названную им супервентной каузальностью. В конце 80-х Ким выступил с резкой критикой всех форм нередукционистского материализма («Миф нередукционистского материализма» *“The Myth of Nonreductive Materialism”*, 1989), в частности, теории аномального монизма Дэвидсона и функционализма, сформулировав каузально-объяснительный аргумент исключения. Согласно этому аргументу, мы не можем в рамках определённой объяснительной схемы приписать каузальную роль ментальному до тех пор, пока ментальное не идентифицировано с физическим. Под аргумент исключения подпадала и ранняя концепция самого Кима – супервентная каузальность ментального.

В 90-е годы философ разработал новую концепцию ментального, названную им функциональной редукцией. Ким обосновывал супервентные

отношения сознания и мозга, опираясь на идеи функционализма (“Сознание в физическом мире”[10]; «Физикализм или Что-то достаточно близкое» [12]. По его мнению, супервентные свойства являются каузально действительными, если и только если они функционально редуцируемы к свойствам, которые ранее были признаны каузально действительными.

Теория тождества ментального и физического Дэвида Льюиса

Редукционистская программа Льюиса всеобъемлюща: она касается объяснения всего. Наиболее ярким выражением этой программы является априорный принцип, получившим название юмовской супервентности. Согласно этому принципу любая из возможных истин супервентна модели действительности, представленной образцами фундаментальных свойств и отношений [14. P. 292, etc.]. Истина о мире в целом, включая и его ментальную составляющую, супервентна всей модели действительности. «Если бы два возможных мира были абсолютно изоморфными моделями, представленными примерами фундаментальных свойств и отношений, они были бы, таким образом, абсолютно похожими без всяких исключений» [14. P. 292].

Задачу отыскания фундаментальных свойств и отношений Льюис возлагает на физику, как современную, так и ту, которая возникнет в будущем. Мир структурно состоит из фундаментальных свойств и отношений, среди которых масса, заряд и физические законы, которые универсальны. Льюис называет это тезисом материализма.

Если мир материален, а материализм истинен, то *априорный* принцип о супервентной зависимости всего от *фундаментальных* свойств и отношений даёт в результате *апостериорную* супервентную зависимость всего от фундаментальных *физических* свойств и отношений. Однако материалистическая супервентность носит не необходимый, а всего лишь случайный характер (вспомним, что Льюис является сторонником юмовской необходимости). Дабы избежать обвинений в «безудержном» априоризме

Льюис предлагает всегда его корректировать, делая отсылки к актуальности – тому, что имеет место в нашем мире. Тогда принцип супервентности будет звучать так: «...если два мира физически изоморфны, и если в каждом из этих миров не будет никаких чуждых для актуальности фундаментальных свойств и отношений, тогда эти миры будут абсолютно похожими...» [14. Р. 293]. Таким образом, целостная истина супервентна положению дел физического мира и распространяется на существование сознания [14. Р. 293]. Сознание супервентно соотносится с фундаментальными физическими свойствами и отношениями мира.

Для обоснования своего тезиса, что именно организация физических частиц может дать эффект картинки, привести к созданию образа, Льюис выбирает пример решётки. Эта решётка состоит из миллиона мельчайших точек – пикселей, имеющих тёмный и светлый цвет. Сочетание тёмного и светлого может дать обобщённый (*gestalt*) структурный образ, который не существует сам по себе, а супервентен структурному расположению пикселей. Такого рода супервентность Льюис называет редукцией. Для неё характерны две особенности: 1) не может быть разницы в картинке и её свойствах без какой-либо разницы в организации светлых и тёмных точек; 2) супервентность асимметрична: не всякое изменение пикселей будет значимым для обобщённых структурных свойств картинки. «И материалистическая супервентность сознания ...организации атомов в пустоте – или чего-либо, заменяющего атомы в пустоте в истинной физике – является другим таким случаем» [14. Р. 294],

В любом случае материалистическая супервентность означает, что для чего-либо, являющегося ментальным, существуют материальные условия, которые будут достаточными для его наличия, и физические условия, которые будут достаточными для его отсутствия» [14. Р. 295]. Правда, эти условия должны *полностью* описывать все физические величины и их взаимодействие. Этот тезис верен, каким бы мир ни был, при условии, что он свободен от фундаментальных свойств и отношений, чуждых актуальной реальности. Сам

же мир может иметь бесконечное число вариаций в своей сложности и разнообразии [14. Р. 295].

Льюис признавал критические замечания в адрес описанного выше тезиса о супервентной зависимости ментального от физического. Хорошо сфокусированный критический аргумент против данного тезиса был выдвинут Фрэнком Джексоном в его мысленном эксперименте, описывающем нейробиолога Мэри. Как учёный и специалист в области восприятия цвета Мэри знает всё о физическом и биологическом механизме восприятия цветных изображений – красного, синего, зелёного и прочее. Но живя в актуальном чёрно-серо-белом мире, она не представляет, *как* эти цвета выглядят. По Джексопу, тождества физиологического и ментального здесь не наблюдается. И вот Мэри впервые попадает в мир, окрашенный во все цвета радуги. Что же это за знание – ощущение цвета?

Льюис называет случай, при котором Мэри знакомится с цветным миром, приобретением ею «знания как» [14. 293]. Дело не в том, *что* Мэри «получила»: «новое знание», «новые верования» или «новую информацию». Важно то, считает Льюис, чего с ней не произошло. Мэри не увидела разницы между актуальным цветным миром и искусственным бело-серо-чёрным миром. По мнению философа, с Мэри ничего не произошло в её ориентации в мире. И именно это самое главное. Мэри узнала, *как* выглядят цвета после выхода из бело-серо-чёрного мира в мир цветов радуги, но то, что такие цвета существуют, она знала и до того. С точки зрения нейрофизиологии учёный Мэри знала о цвете всё, но поскольку априорной корреляции между рациональным знанием и цветовым ощущением не существует, Мэри приобретает знание, как выглядят эти цвета уже апостериорно, когда начинает ощущать их реально.

На наш взгляд, анализ случая Мэри обращает внимание Льюиса к феноменальному сознанию. Однако сам он этого факта не признаёт, потому что декларирует неразличимость психологического и квалитативного сознания. Он замечает: «...разговор о «феноменальном характере» и подобном не помогает»

[14. Р. 304]. На это и обратил внимание своим аргументом Фрэнк Джексон. Неявный же характер такого внимания к квалиа проявляется в том, что Льюис доверяет словарю народной психологии, изобилующему таким понятиями как «боль», «радость», «счастье» и прочее. Народная психология приписывает каузальную роль всем этим понятиям, а Льюис, поддерживая бихевиоризм Гилберта Райла, соглашается с её положениями.

Как видим, Льюису приходится объяснять зависимость феноменального сознания (квалиа) от состояний мозга. Полностью редуцировать феномены сознания к мозговым процессам не удаётся. Выходом для Льюиса видится теория тождества, формулой которой является: $M=P$ (М – ментальное состояние, Р – физическое).

При этом он вынужден признать, что априорного тождества между нейронными процессами и квалиа, например, ощущением цвета не существует. Цветной образ возникает здесь и сейчас в момент взаимодействия органов чувств с конкретной цветной вещью. Апостериорный источник тождества (феноменального) сознания и нейронных процессов мозга позволяет предположить, что Льюис является сторонником той версии теории тождества, которую называют теорией тождества единичного. В ней речь идёт о тождестве конкретного физического состояния конкретному ментальному состоянию (не $M = P$, а $m = p$). На самом деле так оно и есть. Однако его версия несколько отличается от теории тождества единичного, например, Дональда Дэвидсона.

Особенность теории тождества Льюиса вытекает из его предположения, что возможны ситуации, в которых одним и тем же терминам словаря народной психологии соответствуют различные физические состояния. Например, то, что мы называем болью, будет физиологически реализовано иным, чем у человека, образом. Но в любом случае это будет только физическая реализация: принцип физикализма не нарушается.

Вариации состояний могут существовать и для ментального (М), и для физического (Р) даже в нашем мире. Возможно, уже существуют такие чуждые нам существа в космосе, и возможно, скоро появятся искусственные

интеллекты, в которых роли имён из народной психологии выполняются состояниями, очень отличающимися от состояний человеческой нервной системы. Предположительно, у некоторых животных общим для человека и животного ментальным состояниям из словаря народной психологии соответствуют разные физические состояния. Такие вариации, делает предположение Льюис, могут существовать и среди видов. Такого рода вариации возможны даже внутри человечества. Это зависит от того, каким образом отлажена связь между психикой и соматическими состояниями организма (как мы реализованы на аппаратно-органическом уровне, «защиты», говоря техническим языком) и от степени генетической изменчивости в нейронной организации [14. Р. 305].

Признание вариативности ментального и физического в их взаимодействии делает формулу их тождества следующей: «...не просто $M=P$, а $M-v-K=P$, где K – разновидность того, внутри пространства которого P занимает место M -роли. Человеческая боль может быть чем-то одним, а марсианская боль может быть чем-то ещё», – утверждает Льюис [14. Р. 305-306].

Льюис не возражает против признания его сторонником теории тождества единичного, но считает, что и уход от теории тождества типов не обязателен. Если мы ограничим обобщённый вариант теории тождества типов ($M=P$) более узким вариантом ($M-v-K = P$), мы останемся в рамках той же теории тождества типов. Более узкий вариант теории тождества типов можно назвать теорией тождества подтипов [14. Р. 306].

Эмерджентная концепция сознания Джона Сёрла

Джон Сёрл достаточно долгое время в решении психофизической проблемы разделял подход, который многие исследователи, как и сам Сёрл, называют эмерджентным [4. С. 11; 2. С. 72 и др.]. Согласно эмерджентной концепции, сознание возникает как результат взаимодействия множества феноменов более низкого уровня и обладает системным свойством, не

редуцируемым к низкоуровневым свойствам. По мнению В.В. Васильева, признание сознания высокоуровневым свойством нейронных процессов, онтологически отличающимся от этих процессов, но влияющим на поведение человека именно через происходящие в мозге процессы, некогерентно. Если сознание онтологически самостоятельно, оно уже не может играть каузальной роли в каузально замкнутом физическом мире, к которому принадлежат и нейронные связи мозга. Следовательно, считает Васильев, Сёрла придётся признать скрытым эпифеноменалистом [2. С.72, 83]. И в качестве выхода из эпифеноменалистской ловушки он предлагает: «Сёрлу надо было бы признать, что ментальные состояния и нейронные процессы онтологически тождественны, но эпистемологически различны, вследствие того, что люди обладают двойным доступом к этим нейронным процессам — извне и изнутри» [2. С.72]. Таким образом, Васильев предлагает Сёрлу придерживаться не эмерджентного понимания сознания, а особой версии теории тождества для разрешения психофизической проблемы. Однако, сам оппонент Сёрла отвергает продуктивность и теории тождества, поскольку она, по его мнению, не верифицируема [2. С. 80].

Однако, на наш взгляд, Сёрл не согласится с обвинением его в эпифеноменализме и причиной тому будет метафизический смысл понятия супервентности, которого придерживается философ. Ментальное и физиологическое номологически связаны, но ментальное не редуцируемо к физиологическому. А метафизический смысл термина «супервентность» позволяет признавать номологическую связь сознания с мозгом без указания конкретных законов. Кроме того, метафизическая супервентность позволяет не считать сознание онтологически самостоятельной сущностью [17. Р. 8-9]. Сознание, согласно эмерджентному объяснению, является своеобразным эффектом работы низкоуровневых структур. В рамках концепции биологического натурализма, которого придерживается Джон Сёрл, таковыми низкоуровневыми структурами, являются биологические процессы, происходящие в мозге. Сёрлу кажется, что с помощью его доводов ему удастся

остаться на позиции монизма и не сомневаться в каузальной эффективности ментального. Сёрл вообще, несмотря на декларируемую им приверженность исключительно научным идеям, часто «впускает» в свои теории метафизические допущения. Таковым нам видится и эмерджентный принцип в понимании сознания. В книге «Открывая сознание заново» главу о нередуцируемости сознания Сёрл специально заканчивает параграфом о супервентности, делая тем самым супервентность объясняющим принципом своей философии сознания.

Возможно, мы пока не научились уважать метафизический статус супервентности наравне с другими понятиями, например, как эмерджентность. И этот методологический традиционализм не позволяет нам столь же доверять супервентности, как мы доверяем эмерджентности. А между тем, метафизический смысл супервентности помогает Сёрлу избежать онтологического дуализма и придерживаться монизма, декларируя приверженность своей концепции биологического натурализма.

Натуралистический дуализм Дэвида Чалмерса

Дэвид Чалмерс стал широко известен своей доктриной натуралистического дуализма после выхода в свет трактата «Сознающий ум» (1986). В нём он различает феноменологическую и психологическую стороны сознания. Философ считает, что отношение между нейронными процессами мозга и психологией действия уже является ареалом научных, а не метафизических исследований, поскольку многие проблемы в этих отношениях уже прояснены и им он даёт название «лёгкой проблемы сознания». В «Сознающем уме» он пытается разрешить «трудную проблему» сознания, касающуюся природы субъективного опыта, квалиа, феноменальных переживаний. Можно ли дать физикалистское объяснение именно феноменальному сознанию?

Предлагая своё решение «трудной проблемы» сознания, Чалмерс разрабатывает концепцию натуралистического дуализма, которая исходит из следующих допущений:

1. Сознательный опыт (феноменальное сознание, квалиа) существует.
2. Сознательный опыт логически не супервентен от физического [см. примеч. 18].
3. Если существуют феномены, логически не супервентные физическим фактам, тогда материализм ложен.
4. Сфера физического каузально замкнута.

Согласно этой доктрине, сознание супервентно связано с физическим, основанием их связи являются закономерности нашего мира. В этом случае супервентность носит не логический, а натуралистический характер. Это позволяет считать существование особой разновидности сознания – сознательного опыта (или феноменального сознания) реальным наряду с физическим миром. Это и есть доктрина натуралистического дуализма.

Чалмерс различает две альтернативные разновидности супервентности: 1) локальную и глобальную и 2) логическую и естественную. Именно естественная (природная) супервентность становится объяснительным орудием Чалмерса в отстаивании дуалистической концепции сознания.

Б-свойства *локально* супервентны А-свойствам, если А-свойства единичного детерминируют Б-свойства этого же единичного. Например, форма локально супервентна физическим свойствам: два любых объекта с одними и теми же физическими свойствами будут необходимо иметь одну и ту же форму. Но есть и исключения, связанные, например, с супервентностью ценности и физических свойств. Так, точная физическая копия «Моны Лизы» Леонардо да Винчи не имеет той же ценности, которую имеет оригинал.

Б-свойства *глобально* супервентны А-свойствам, если А-факты, относящиеся ко всему миру, детерминируют Б-факты целого мира, то

есть не существует двух возможных миров, идентичных в отношении А-свойств, но различающихся Б-свойствами.

Локальная супервентность предполагает глобальную супервентность, но не наоборот. Например, вполне правдоподобно, что биологические свойства глобально супервентны физическим свойствам. В то же время они могут быть несупервентными локально: два физически одинаковых организма могут различаться своими биологическими характеристиками. Один из этих организмов может быть более приспособленным, причиной чему служат условия их обитания.

Чалмерс отмечает, что различие глобальной и локальной супервентности непринципиально для понимания феноменального сознания [7. Р. 34]. И всё же, говоря о супервентности субъективного опыта от физического вообще, Чалмерс склоняется в сторону локальной супервентности. С его точки зрения, физическая идентичность двух существ никак не повлияет на то, чтобы их субъективный опыт различился в случае, если у них различная окружающая среда и различные условия жизни. Окружение может влиять на этот опыт косвенно, воздействуя на внутренние структуры организма. Такие феномены, как галлюцинации и иллюзии, показывают, что именно внутренние структуры, а не окружение непосредственно детерминируют субъективные переживания.

Более важным фактом в понимании феноменального сознания является различие логической и природной супервентности. Б-свойства логически супервентны А-свойствам, если не существует таких двух логически возможных ситуаций, при которых они идентичны относительно своих А-свойств и различаются своими Б-свойствами.

Тем не менее, замечает Чалмерс, существует особый вид супервентности, в рамках которого отсутствует какая-либо логическая связь. Этот более слабый, чем логический, вариант супервентности возможен в природе, когда две совокупности свойств постоянно и в полном объёме находятся в определённой зависимости. Например, давление, производимое одним молем газа, зависит от его температуры и объёма и определяется по формуле $pV = KT$, где p —

давление, V — объём, T — температура, K — постоянная Л. Больцмана, являющаяся универсальной для всех газов (предположим, что все газы являются идеальными газами). В реальности очень сложно вообразить себе газ, в котором две различные моли имеют одну и ту же температуру и величину, но производят разное давление. В логическом же смысле вполне возможна ситуация, когда моли одинаковой температуры и величины имеют различное давление: для этого надо только вообразить мир, в котором константа K больше или меньше той, которая существует в нашем мире. В этом примере давление супервентно естественным образом температуре, объёму и такому свойству, как быть молекул газа. Таким образом, в реальности два моля газа, имеющие одинаковую температуру и объём, производят одинаковое давление. Вместе с тем логически возможен и другой вариант, когда константа больше или меньше той, которая существует в природе. Однако ситуация, возможная в логическом смысле, не имеет шансов на воплощение в природе. Существует огромное количество логически допустимых ситуаций, которые едва ли реализуемы в природе. Любая ситуация, в которой игнорируются законы природы, является логически допустимой. В такой класс ситуаций попадают воображаемые миры, где нет гравитации или которым присущи другие фундаментальные константы. Выходит, что совокупность природных возможностей является подклассом логических. Так, логически вероятным является существование, как кубического километра золота, так и кубического километра урана-235. Однако в нашем мире реально может существовать только кубический километр золота.

Природная супервентность имеет место тогда, когда А-факты, присущие определённому положению вещей, естественным образом с необходимостью вызывают Б-факты, то есть когда связь фактов вида А и Б носит закономерный характер.

Логическая супервентность предусматривает природную супервентность. Если логически возможны две ситуации, характеризующиеся одними и теми же А-свойствами и для которых присущи и Б-свойства, то аналогичные ситуации

существуют и в природе. Однако обратное следование вовсе не обязательно: природная супервентность не предполагает наличия логической супервентности. Это хорошо видно на примере с газом. Ситуации, в которых природная супервентность не предполагает наличия логической супервентности, Чалмерс называет ситуациями «простой природной супервентности» [7. P.37].

Чалмерс пишет, что вполне вероятно, что сознание локально или глобально супервентно *естественным* образом физическим свойствам мира в той мере, как если бы два создания, идентичные своими физическими свойствами, обладали и одинаковыми качественными характеристиками своего опыта. Природная супервентность не предполагает логической супервентности. «Необходимая связь между физической структурой и опытом гарантируется только законами природы и не [гарантируется] какой-либо логической или концептуальной силой», — заключает Чалмерс [7. P.38].

Чалмерс не признаёт существования особой метафизической супервентности, которая основывалась бы не на логической и не на природной необходимости. Метафизическая супервентность в своей основе имеет «метафизическую необходимость» — понятия, введённого Солом Крипке в статье «Именованное и необходимость» (1972). Чалмерс считает, что метафизически возможные миры являются всего лишь логически необходимыми мирами, а метафизическая возможность утверждений — логической необходимостью с эмпирическим (*a posteriori*) семантическим поворотом.

Чалмерс скептически оценивает гносеологическую ценность и другой разновидности супервентности — «слабой супервентности», определяемой модальной силой тезиса. Если тезис супервентности приложим к объектам одного единственного физического мира, он известен под названием «слабой» супервентности. Если же тезис распространяется на все возможные миры, он носит название «сильной» супервентности. Эти и другие виды супервентности анализировали такие авторы, как Дж. Ким, В. Сигер, Р. Хеар и Т. Хоган [7.

Р.362]. Чалмерс считает, что понятие «естественная супервентность» по сравнению с понятием «слабая супервентность» является методологически более точным.

Считая феноменальное сознание таким же реальным, как нейронные процессы мозга, и аргументируя в пользу природной супервентной связи мозга и квалиа, философ всё же не готов указать тех психофизических законов, которые объясняют квалиа на основе нейронных процессов. Это ещё остаётся задачей будущего, а пока могут существовать только некоторые предположения о природе таких законов [7. Р.286, etc.]. Таким образом, и в концепции натуралистического дуализма Чалмерса сохраняется та неопределённость, которая позволяет пока говорить о метафизическом статусе супервентной связи между феноменальным сознанием и нейронными процессами мозга. Это признавал и сам философ, когда написал: «...спекулятивная метафизика, возможно, неизбежна при нахождении терминов для описания онтологии сознания [7. Р.302].

Выводы

В аналитической философии сознания понятие супервентности чаще всего используется для формулировки метафизической позиции, имеющей натуралистический характер. Дональд Дэвидсон, Дэвид Льюис, Джегвон Ким, Джон Сёрл, Дэвид Чалмерс показывают, что сознание супервентно миру каких-либо физических событий, фактов, функций, состояний. Однако характер супервентной связи ментального и физического у этих философов интерпретируется, как мы увидели, по-разному. Разброс в понимании супервентной связи сознания и мозга свидетельствует о том, что у науки пока нет её общепризнанного понимания, что позволяет характеризовать эту связь на современном этапе исследования проблемы «сознание – тело» как метафизическую. Сохраняющаяся интрига в решении психофизической проблемы всё же имеет в своём арсенале ряд важных предположений.

Супервентность связана с такими понятиями как (а) следование, (б) редукция, (в) онтологическая независимость, (г) объяснение. (а) Супервентность как и следование носит возвратный, транзитивный, симметричный или асимметричный характер. Однако не всякое следование супервентно, поскольку супервентность охватывает только законосообразные необходимые отношения. (б) Всякая редукция нуждается в супервентности, однако не всякая супервентность удовлетворяет требованиям редукции. (в) Супервентность не выявляет отношения онтологической первичности: супервентность свойств А по отношению к свойствам Б не гарантирует онтологической первичности свойств Б по отношению к свойствам А. (г) Утверждения супервентности только констатируют положения дел, но не объясняют их. Вместе с тем, в дальнейшем эти объяснения будут появляться.

Разновидность супервентности определяется (1) модальной силой тезиса и (2) сравниваемыми «объектами». (1) Если тезис супервентности приложим к объектам одного единственного физического мира, он известен под названием «слабой» супервентности. Если же тезис распространяется на все возможные миры, он носит название «сильной» супервентности. (2) Отношения супервентности могут распространяться на отдельные объекты или личности (индивидуалии), на пространственные регионы и на все возможные миры. В первом случае эти отношения будут выражены утверждениями *индивидуальной* супервентности, во втором – утверждениями *региональной* супервентности, в третьем - *глобальной* супервентности. Супервентности вида (1) и (2) могут пересекаться.

Нельзя переоценивать объяснительную и прогностическую силу понятия супервентности. Супервентность сама по себе не обладает объяснительной функцией и не гарантирует, что свойства А редуцируемы к свойствам Б или онтологически зависят от них. Философы материалистического направления находят понятие полезным, потому что оно позволяет признавать ряд других понятий, не прибегая к онтологизации нематериальных сущностей и надприродных областей бытия [16.]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Армстронг Д.М. Самоуверенное введение / пер. с англ., введение и комментарии С.С. Неретиной // Дэвид М. Армстронг. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
2. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. – М.: Прогресс – Традиция, 2009.
3. Кузнецов А.В. Что такое супервентность? // Философия сознания: аналитическая традиция. Третьи Грязновские чтения. Материалы Международной научной конференции (6-7 ноября 2009 г.) – М.: Современные тетради, 2009. С.165-170.
4. Серл Дж. Открывая сознание заново. Перевод с англ. А.Ф.Грязнова. – М.: Идея-Пресс, 2002.
5. Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. Пер. с англ. – М.: УРСС: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2013.
6. Юлина Н.С.. Супервентность // Энциклопедии эпистемологии и философии науки / И.Т. Касавин. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация». 2009.
7. Chalmers D.J. The Conscious Mind. In Search of a Fundamental Theory. – N.-Y., Oxford: Oxford University Press, 1999.
8. Davidson D. Mental Events // Davidson D. Essays on Actions and Events. – Oxford: Oxford University Press, 1980. P.207-227.
9. Horgan T. E. Supervenience // The Cambridge Dictionary of Philosophy / edited by Robert Audi. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P.891-892.
10. Kim J. Mind in a Physical World. – Cambridge, MA: MIT Press, 1998.
11. Kim J. Philosophy of Mind. 2nd ed. – Boulder, CO.: Westview Press, 2006.
12. Kim J. Physicalism, or Something Near Enough. – Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005.
13. Kim, J. (Ed.) Supervenience and Mind: Selected Philosophical Essays. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.
14. Lewis D. Reduction of Mind // Papers in Metaphysics and Epistemology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 291-324.
15. Malpas J. Donald Davidson // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (1998 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/entries/davidson>
16. McLaughlin, B., Bennett, K. Supervenience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2005 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/entries/supervenience/>

17. McLaughlin, B., Bennett, K. Supervenience // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (2011 Edition). Edward N. Zalta (ed.). URL = <http://plato.stanford.edu/entries/supervenience/>
18. В.В. Васильев при переводе трактата «Сознающий ум» даёт более корректный в логическом смысле перевод: «супервентны на физических свойствах». Мы же используем более привычную нам формулировку.

Blokhina N. A. Metaphysical Sense of the Notion ‘Supervenience’ in Analytic Philosophy of Mind

Key words

Analytical philosophy, metaphysics, philosophy of mind, mind-body problem, supervenience, Donald Davidson, David Lewis, Jaegwon Kim, John Searle, and David Chalmers.

Summary

The paper deals with the occurrence of the concept ‘supervenience’ into analytical philosophy of mind. The concept content was revealed for the decision of psychophysical problem by such prominent analysts as Donald Davidson, David Lewis, Jaegwon Kim, John Searle, and David Chalmers. It was recognized that these philosophers considered the mind- brain supervenient connection as naturalistic, but the character of this connection was cashed out in many different ways. This fact allows us to say that the notion of ‘supervenience’ is used in the metaphysical sense.

Philosophy, metaphysica, philosophy of mind